Текст · 1 июля 2022, 07:07
Максим Бутченко,

Подполье. Рассказывают работники «Азовстали», пережившие два месяца осады в подземных убежищах комбината

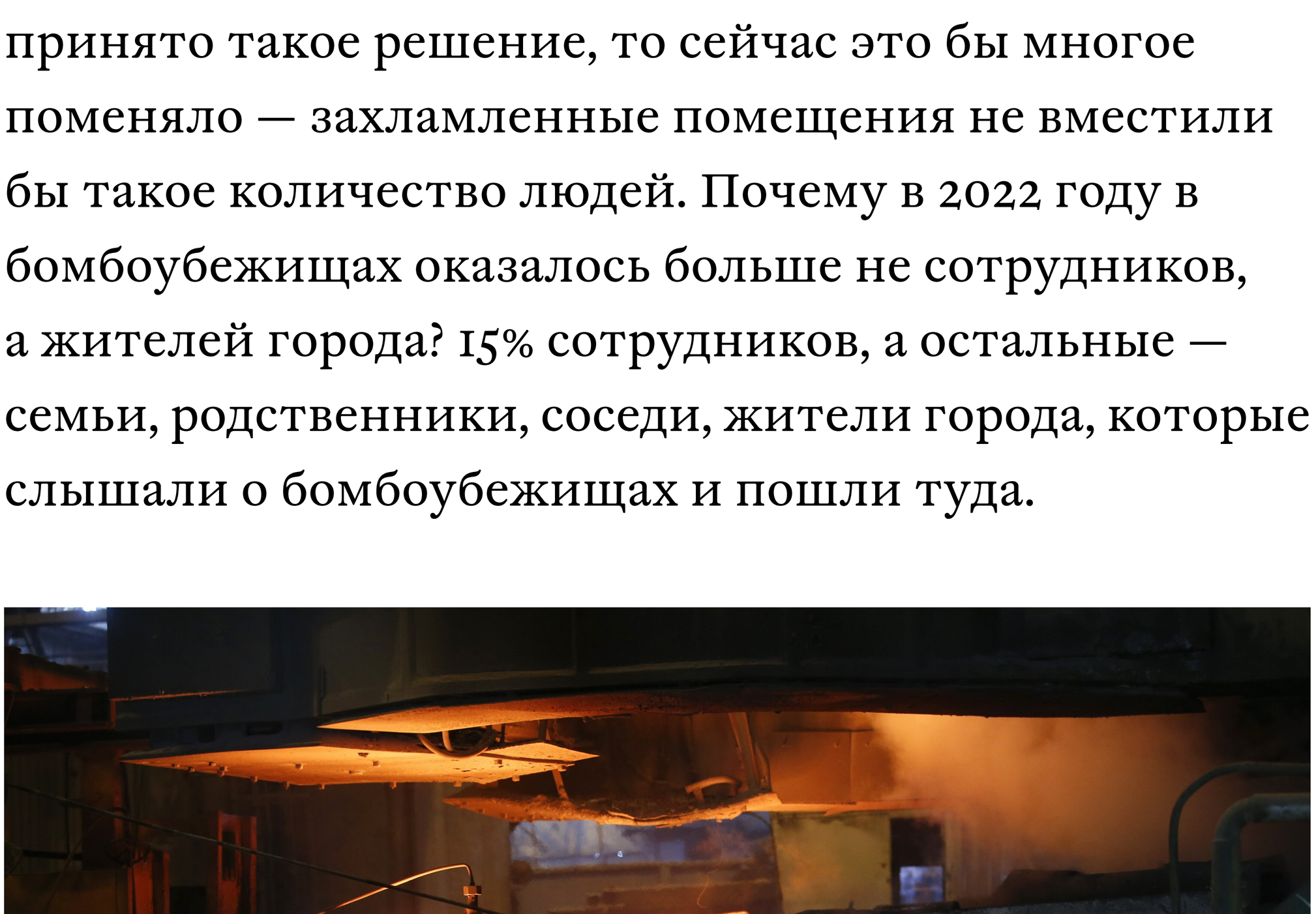
Вернуться в 2014 год. Как металлурги укрепляли Мариуполь

Иван Голтвенко, директор по персоналу. Я предлагаю вернуться в 2014 год, потому что именно тогда была первая попытка захвата Мариуполя со стороны Новоазовска[1] и Донецка. И тогда было сделано две основные вещи, о которых стоит всем знать. Первое: на «Азовстали» было принято решение восстановить и привести в надлежащий вид все бомбоубежища и организовать запасы еды и воды.

> 24 января 2015 года Левобережный район Мариуполя обстреляли из систем залпового огня. Погиб 31 человек, ранены были 117. По данным расследовательского проекта *Bellingcat*, обстрел велся с подконтрольной российским войскам территории, операцией руководили действующие офицеры российской армии.

Потому что за мирные годы эти помещения стали использоваться в качестве складов. Тогда было дано распоряжение провести аудит всех имеющихся бомбоубежищ: сделать ремонт, если это необходимо; восстановить систему вентиляции; составить

перечень сухпайков и запастись едой, а дальше обновлять эти запасы по истечении срока годности. И с 2014 года стали заниматься с сотрудниками тренировкой эвакуации в бомбоубежища. Составили списки — кто куда должен переходить; определили старших; минимум два раза в год мы проводили масштабные общезаводские тренировки. Вот так мы прожили восемь лет. Если бы тогда не было принято такое решение, то сейчас это бы многое поменяло — захламленные помещения не вместили бы такое количество людей. Почему в 2022 году в бомбоубежищах оказалось больше не сотрудников, а жителей города? 15% сотрудников, а остальные — семьи, родственники, соседи, жители города, которые слышали о бомбоубежищах и пошли туда.



Рабочие на металлургическом комбинате «Азовсталь» в Мариуполе, 20 мая 2014 года. Фото: Maxim Zmeyev / Reuters

Второй момент, возвращаясь в 2014 год. Тогда руководством компании и двух предприятий — «Азовсталь» и «Ильич»[2] — было принято решение помочь военным построить фортификационные

сооружения. Одним из продуктов производства комбината был *сляб* — прямоугольная стальная заготовка толщиной 200 миллиметров, то есть 20 сантиметров, и длиной от 12 до 25 метров, шириной 2–2,5 метра, из которой дальше в прокатных цехах могут выкатывать листовой металл. Такая себе стальная плита. Вот они передавались военным нашим транспортом, и мы в 2014 году строили линии обороны вокруг города.

Если посмотреть на карту города, то защитные сооружения строились с севера на восток. Потому что в тот момент угроза была со стороны Донецка, Широкино[3], со стороны Таганрога. По большому счету, с третьего, максимум четвертого дня [войны] уже начала работать авиация по городу. Именно это отвечает на вопрос: если бы не было военных в городе, город бы уцелел или нет? Ответ — нет, потому что линия обороны была за пределами города на расстоянии 20–25 километров с севера на восток. Я точно знаю, потому что лично свозил эти слябы туда.

В 2014 году эта линия обороны успешно выдержала удары, потому что работала артиллерия, танки, пехота. Мы думали, что у нас есть опыт. Мы не ожидали, что в этом году враг будет использовать авиацию. Поэтому и получилось, что когда военные защищали рубежи с севера на восток, враг стал летать и бомбить город хаотично. И с юга, через Херсон, город взяли в кольцо с двух сторон. Этим мы отвечаем на вопрос, почему многие жители не планировали выезжать: был опыт 2014 года, верили в ВСУ, металлурги знают про укрепления, понимают, что нужно, чтобы выдержать такие же удары, как в

2014 году. А оказалось, что мы не готовы. Сказались два фактора: авиация — и враг зашел с юга.

24 февраля. Консервация

Сергей Кузьменко. Фото: личный архив

Сергей Кузьменко, мастер подготовки производства конвертерного цеха. 24-го числа я встал на работу, как обычно, в четыре утра. Я на Восточном[4] живу.

В стороне Широкино начали постреливать. Это

нас всех разбудило. Встал и поехал на работу. В полшестого утра уже начались первые ласточки о том, что какие-то взрывы по всей стране. В шесть утра я был на работе.

Изначально указание было, что пока работаем в штатном режиме. Ближе к обеду уже появилась информация, что идут обстрелы Восточного и руководством предприятия принято решение переводить комбинат в горячую резервацию на семь дней. Были определены шаги и необходимое количество людей, чтобы мы могли безопасно закончить производство, то есть выработать чугун и остановить печи. До девяти вечера еще работа была — вырабатывали то, что было по полуфабрикатам, чугун, чтобы все доделать и чтобы было безопасно и не так болезненно запускаться в случае скорого запуска.

Игорь Хаджава, ведущий инженер. 24-го я приехал на работу. Отмены работы не было, поэтому все приехали на работу. Уже слышны были взрывы. Потом руководство сказало всем расходиться по домам, и завод начали ставить в горячую консервацию — это остановка доменных печей. Закрывали крышками конвертера[5], ну, и миксера[6]

начали — снижать уровень чугуна. Как бы остановка производства.

Иван Голтвенко. На протяжении семи суток мы останавливали завод: к агрегатам подводится природный газ, а они выделяют коксовый доменный газ. Это газы, которые вредны для человека — в течение трех секунд наступает

смерть. Соответственно, чтобы доменную печь или конвертер вместимостью 350 тонн расплавленного металла «обесточить», недостаточно их выдернуть из розетки. Нужно провести ряд технологических операций: выдуть весь горячий металл, засыпать шихту[7], остудить, отключить подачу газа, отключить подачу исходящих газов. Тогда доменная печь или конвертер безопасны, если попадет в них снаряд — с техногенной точки зрения. На это потребовалась неделя. А таких газоопасных мест у нас три: коксовый, доменный и конвертерный цеха. Коксовый вмещает три коксовых батареи по 180 камер коксования-[8] каждая, доменный — три доменных печи, и конвертерный цех — два конвертера чашеобразных по 350 тонн. Для того чтобы их остановить, нужно семь суток, потому что это беспрерывное производство.

Сергей Кузьменко. Люди были уведомлены, люди были распущены. Только не скажу, 24-го или 25-го [февраля] руководством предприятия было принято решение о том, чтобы открыть полностью все проходные в свободный доступ, дать возможность заезжать автомобилями для всего персонала, если им необходимо попасть в бомбоубежище, и даже сторонним лицам без ограничений: семьи, родные — кого надо можно было завозить.

Первая неделя марта. Город без света, газа, воды и власти

Иван Голтвенко. Патруль военных был плюс-минус на второй-третий день выставлен перед центральной проходной. Потому что, пока мы семь суток останавливали агрегаты, дважды заходили диверсионные группы захвата — они заходили

на завод и обстреливали наших сотрудников. Военные заходили на завод и пытались найти этих диверсантов. Я не знаю, чем заканчивались эти попытки. Но знаю, что дважды поступали жалобы от наших сотрудников на обстрелы. И военные говорили, что в город проникли диверсанты, которые попадались и на заводе.

Игорь Хаджава. Фото: личный архив

Игорь Хаджава. Сидели дома, с женой побегали по магазинам, закупили продуктов, не думали, что так все затянется. По телевизору, по новостям везде

говорили: сидите дома, все под контролем, все будет хорошо. Напрасно мы сидели, конечно.

Электричество пропадало два раза, мы сидели два дня без света. Потом, видать, сделали какие-то переключения, подали электроэнергию, ну, и вода появилась. Опять понабирали все емкости, которые были дома, позаряжали телефоны, и полдня, наверное, был свет еще. Потом он снова потух. Практически со второго дня звуки выстрелов, прилетов были все ближе и ближе. Мы жили на девятом этаже — и звуки, и вибрация на девятом этаже гораздо сильнее, чем на нижних. Жена с детьми спала в коридоре.

2 марта, уже когда наша украинская техника была на 23-м микрорайоне[9], потому что они отступали,

были очень громкие звуки выстрелов. Мы понимали, что на окраине 23-го это не остановится. Мы особо и новостей не знали, мы просто слышали звуки выстрелов. Жена попросилась спрятаться куда-то, подальше с девятого этажа, потому что верхние этажи всегда в зоне риска. Когда дали свет, появилась мобильная связь, тогда я дозвонился начальнику цеха, попросил, чтобы он помог доставить меня, детей, жену в убежище конвертерного цеха. По приезде в «Азовсталь», это часов 12 дня было, связь снова пропала. И ее больше не было.

Иван Голтвенко. Не стало подвоза продуктов. Где-то люди самостоятельно пытались магазины вскрыть. Первыми перестали работать «Киевстар» и «Лайф»[10].

А *Vodafone* работал. Это третий мобильный оператор в Украине. Выяснилось, что у кого есть *Vodafone*, связь

есть. И люди стали искать новые сим-карты, чтобы иметь источник связи. Дальше, уже в середине марта, я знаю, что украинские военные открывали магазины и людям предлагали разбирать товар.

Сергей Кузьменко. 5 марта уже обрубили частично газ. Или 6 марта. И началось брожение людей по магазинам. Там работал один магазин в районе — «Зеркальный»[11]. Туда свозили со всех других магазинов продукты, и люди выстаивали, он до двух часов дня работал. В первый день мы в него не попали. На второй день мы пошли раньше, простояли три с половиной часа, чтобы попасть в магазин. Воды уже не было, мы соков купили, хоть какую-то жидкость, потому что ничего не было. При этом 3–4-го числа был дождь, такой полудождь-полуснег. С крыши вода стекала, мы набирали эту воду, в ванну заливали, либо в туалет — смывать, либо нам уже пришлось ее кипятить, потому что мы понимали, что питьевой воды нет.

Наверное, числа с 4–5-го начались первые ласточки: еще полиция какая-то ездила по городу, мародеров тормозили с тележками. А потом уже мародерство началось массово — начали бить все, просто все. И «Евы»[12], гигиену всякую, и даже стоматологию били, все, что только можно. Уже анархия полностью пошла. Руководства в городе к тому моменту уже не было, информации никакой не было.

Город никто не уведомил, что воды нету. Руководство должно было сразу собрать информацию, где есть скважины, ручьи, чтобы люди не лазили просто по городу. У нас так большинство и погибло —

просто ходя и ища воду. У меня так сотрудник с участка... У него жена погибла, а он тяжелый[13] и на неподконтрольной территории. Просто ходили, воду искали.

Игорь Хаджава. Нас привезли на машине 2 марта. Я с детьми, с вещами. В первый день, когда мы туда пришли, я особо не считал, конечно, людей. Их было около 20, это те работники цеха, у которых были свои кабинеты, они еще оставались, ночевали в кабинетах. Ну а дальше, уже 3, 4, 5 марта, людей становилось больше, больше. Самое большое количество было около 100 человек. Детей было 18. Мы были под АБК конвертерного цеха, АБК № 1. Это административно-бытовой корпус — здание, в котором расположены столовая, женские и мужские бани, кабинеты начальников цехов, замов, всякие технологические бюро. Ну, в общем, обычное здание, где находится администрация цеха. Кто-то прибегал на ногах, кто-то прятался из разбитых квартир, а в основном все люди, большинство, которые были у нас — они с Левого берега[14], потому что конвертерный цех находится возле восточных проходных и с той стороны людям легче было добраться.

Иван Голтвенко. 2 марта людей мало приходило. Я знаю, начальники цехов, заместители, старшие мастера стали привозить своих жен. Основное количество пришло 3–4 марта, когда мы все[15] остановили.

Сергей Кузьменко. 8 марта мы заехали на «Азовсталь» в убежище. Нас было около 60 человек. Еще

через неделю-две туда привезли еще семь человек, работник комбината один.

Герои этого текста и осада Мариуполя: частная хронология

24 февраля. Первые обстрелы города. Руководство «Азовстали» принимает решение о консервации производства.

28 февраля. В Мариуполе впервые пропадает электричество и начинаются перебои с водой.

2 марта. Российские войска окружают город. Игорь Хаджава с семьей приезжает в убежище под конвертерным цехом.

4 марта. Начинается массовое разграбление магазинов.

5 марта. Первая попытка открыть гуманитарный коридор для эвакуации мирных жителей в Запорожье сорвалась из-за обстрела.

8 марта. Иван Голтвенко уезжает из Мариуполя. Семья Сергея Кузьменко, первые две недели войны укрывавшаяся от обстрелов на даче и у знакомых в западной части города, переселяется в убежище толстолистового цеха.

9 марта. Авиаудар по роддому, напротив которого жил Иван Голтвенко.

11 марта. В городе не работают украинские операторы сотовой связи, кроме *Vodafone*.

12 (13?) марта. Попадание в здание толстолистового цеха, где живет семья Сергея Кузьменко. «Мужчины тушили, у нас прямо пожар был на этаже, дым тянет, и дышать было трудно», — вспоминает Кузьменко.

16 марта. Бомбардировка Донецкого академического областного драматического театра, где укрывались более тысячи мирных жителей.

19 марта. Бои начинаются непосредственно у «Азовстали».

20 марта. С «Азовстали» начинают массово выезжать люди. По словам Ивана Голтвенко, если до этого на предприятии укрывались около 2,5 тысячи человек, то после остались примерно 500. Российские военные убеждают горожан ехать на территорию самопровозглашенной ДНР или в Россию.

3 апреля. Компания *Maxar Technologies* делает спутниковые снимки массовых захоронений в селе Мангуш. Длина траншеи, в которой, предположительно, похоронены погибшие мариупольцы, 340 метров.

13 апреля. Прорыв заблокированных украинских морпехов с территории комбината Ильича. Часть из них смогла пробиться на «Азовсталь».

20 апреля. Последний вертолетный рейс с оружием и провизией для украинских военных, обороняющихся на «Азовстали». Всего таких рейсов было семь.

21 апреля. Сергей Шойгу докладывает Владимиру Путину об «освобождении» Мариуполя. 20 мая он доложит уже о «полном освобождении» города.

24 апреля. Православная Пасха. «До 30 апреля не было ни одного дня, чтобы они не бомбили комбинат. Больше, меньше, сильнее, авиация, либо просто артиллерия, либо корабельная — но они все время бомбили. В том числе и Пасха также прошла в таком же русле», — вспоминает Сергей Кузьменко.

«Известия» в этот день пишут, что бывший работник «Азовстали» Александр Чуприн показал изданию схему коммуникаций предприятия.
По сведениям Ивана Голтвенко, его пытали электрошокером.

30 апреля — 1 мая. Начало эвакуации гражданских с «Азовстали». Игорь Хаджава и Сергей Кузьменко с семьями выезжают с территории предприятия.

6 мая. Антониу Гутерриш сообщил, что при содействии ООН и Красного Креста с «Азовстали» и прилегающих территорий благополучно эвакуировали около 500 человек.

16 мая. Последние украинские военные с «Азовстали» сдаются в плен. Их вывозят

> на территорию самопровозглашенной ДНР автобусами.

Ниже нулевой отметки. Как и для чего строились убежища «Азовстали»

Иван Голтвенко. У завода четыре тысячи человек — максимальная работающая смена без учета подрядных организаций. А подрядных еще столько же. То есть территория завода может комфортно разместить до восьми тысяч человек.

36 бомбоубежищ на комбинате «Азовсталь». В среднем каждое бомбоубежище вмещает от 60 до 80 человек. Каждое бомбоубежище обеспечено сухим пайком, состоящим из сухарей, хлебцев сушеных, консервов мясных, рыбных, сухих макаронных изделий, а также запасов бутилированной воды. По стандартам гражданской защиты и обороны каждое бомбоубежище должно быть обеспечено запасом сухпайков из расчета семь суток. Мы же оборудовали бомбоубежища запасами на 14 суток — вдвое больше от стандарта.

Медиазона

Примерное расположение военных и гражданских на «Азовстали» (по данным Ивана Голтвенко на конец апреля)

1. Угольный склад. Участок морских перевозок. Торцевой причал

2. Территория вспомогательных энергетических цехов. В убежище здесь находились около 60 гражданских

3. Доменный цех. Здесь находились военные

4. Кислородный цех. В убежище под АБК — около 60 гражданских

5. Коксохимическое производство. В убежищах АБК-1 и АБК-2 — около 40 и 50 гражданских соответственно

6. Участок подготовки составов конвертерного цеха

7. Склад лома конвертерного цеха

8. Железнодорожный цех. Здесь находились военные

9. Участок десульфурации чугуна конвертерного цеха

10. Железнодорожная станция «Листопрокатная»

11. Толстолистовой цех. В убежищах АБК-1 и АБК-2 — около 60 и 70 гражданских соответственно

12. Сортопрокатные цеха. В убежищах АБК-1 и АБК-2 — около 60 и 50 гражданских соответственно

13. Территория вспомогательных цехов

14. Конвертерный цех. В АБК-1 укрывались 76 гражданских[16]. В АБК-2 с апреля была оборудована санчасть, где находились около 100 раненых военных

15. Шлаковая гора

16. Управление безрельсового транспорта. Около 60 гражданских

17. Вспомогательные цеха. Восточные проходные

18. Железнодорожная станция «Сортировочная». Здесь находились военные

При этом еще 9–12 подвалов в административных зданиях — заводоуправления, здания дирекции по персоналу, зданий за пределами комбината — были переоборудованы в бомбоубежища. Подвальное помещение, но оно имеет два выхода и две системы вентиляции.

При основных цехах — домен, конвертер, толстолистовой цех, коксохимический, рельсобалочный — были бомбоубежища максимальной вместимости и безопасности. Потому что завод был запущен в 1933 году, и основные этапы модернизации приходились на период с 1933 по 1977 год, когда был построен толстолистовой цех. По большому счету, это период разгара холодной войны. Тогда считалось, что бомбоубежища на этих предприятиях должны быть III класса[17] безопасности. То есть предполагалось,

что предприятие будет работать в период боевых действий в тылу. Они и строились по стандартам — ниже нулевой отметки[18], обязательно металлические двери, двойная система вентиляции, дополнительный второй выход из бомбоубежища. Но стандарты гражданской защиты и техногенной безопасности предполагают два вида угрозы: военную и техногенную.

Игорь Хаджава. Бункер — это не бомбоубежище. Бомбоубежище — это гораздо более серьезное сооружение, оно надежно защищает от авиабомб, от еще каких-то бомб, а это убежище от техногенных катастроф. У нас конвертерный цех, то есть возможны такие ситуации, когда в конвертере прорывает

водяную фурму[19]. Фурма, которая подает кислород в ванну с металлом, она водоохлаждаемая — там идет очень большой поток воды, десятки тонн воды в секунду. При прогорании этой фурмы, если в ванну металла попадает вода, она мгновенно испаряется, выделяется водород, и вот эта смесь, ну, она равна атомной бомбе. Поэтому от возможных взрывов были построены убежища.

Само убежище в себя включает спальные места — как армейские двухэтажные койки. Наверное, 50 спальных мест, не больше. В убежище два выхода. Отметка пол минус шесть[20] — немного, учитывая то, что потолок высокий, в районе трех метров, и сама плита перекрытия, которая над нами была, толщиной 500 миллиметров.

Аварийный выход — это тоннель и выход в стороне от здания, там надо было подниматься метров шесть по вертикальной лестнице. Также есть вентиляционная комната. Там стоят фильтра, если есть электричество, то там электродвигатели вращают так называемые улитки[21], ну, принудительная вентиляция. При отсутствии электричества мужчины становились, крутили вентиляцию эту для обмена воздуха. Мы крутили, она, грубо говоря, как мясорубка: ты ее крутишь, а внутри крутятся уже лопасти, которые принудительно загоняют воздух.

Сергей Кузьменко. Вообще, я как бы в конвертерном цеху работал, но заселился в толстолистовой, который запущен в 1971–1972 году. И постройка бомбоубежища тоже относительно новая, не старого

образца, как первые были здания. Бомбоубежище было квадратного типа с усиленными колоннами. Колонны стояли через 2–2,5 метра, на них лежали плиты. У нас даже было три выхода: основной и два аварийных. Были установлены двери противовзрывные, гнутые, которые плотно прилегали; бомбоубежище в принципе надежное, если в него не бить в одно и то же место много раз. Сделано оно было по уму, потому что мы чувствовали очень сильную вибрацию, которую отдавала земля. То есть фундамент идет у этого бомбоубежища для того, чтобы гасить вибрацию.

На территории комбината всего числилось 36 бомбоубежищ, просто они немножко разные. Наше бомбоубежище было такое. У нас было два маршевых лестничных пролета вниз, мы спускались под здание АБК, а в другом цехе — там один пролет вниз и сразу под зданием, двери тоже металлические, но более облегченные, ослабленная конструкция. Это просто более старая постройка.

Я во всех не был. Между ними связи нет. Это отдельные цеха, они разбросаны по территории всего комбината. Как располагаются административно-бытовые корпуса по комбинату, так и располагались бомбоубежища.

В осаде. Светильники на антисептике и подземные костры

Иван Голтвенко. Фото: личный архив

Иван Голтвенко. Никто не ожидал, что завод по сути превратится в крепость, которая будет два с половиной, даже три месяца выдерживать сплошные, постоянные удары. Мы от сотрудников узнали, что в первую неделю люди стали уменьшать количество приемов пищи с трех раз до двух раз, с двух — до одного раза. Детям оставляли до трех раз. При этом на комбинате было семь столовых-буфетов. Это места, где в рабочее время сотрудники могли покупать и

принимать пищу круглосуточно. Там также имелись продукты. Это те же запасы воды бутилированной, различные печенья, шоколадки, батончики сладкие. Где-то были колбасы и макароны. И самое главное — овощи, благодаря чему некоторые ухитрялись даже суп сварить.

Знаю, что возле АБК конвертерного [цеха] люди выходили и готовили пищу на мангале. И были сброшены какие-то патроны на парашютах[22] с ленточками. Они упали и через время начали взрываться. И один такой снаряд взорвался рядом с человеком, который готовил пищу. В это время бои еще были на окраине города. Это была длинная капсула с тремя белыми лентами. Были нанесены повреждения грудной клетке. Тогда еще работали экскаваторы. Они вырыли могилу, и его похоронили рядом с бомбоубежищем.

Сергей Кузьменко. Мы, когда выходили, видели много остатков кассетных боеприпасов — парашютики, которые от них остаются.

Игорь Хаджава. Дизель приносить было некому. У нас был работник нашего цеха Волков Роман Николаевич, который следил за генератором, грубо говоря, как за ребенком своим. Отключали его на ночь в целях экономии, днем пользовались электричеством. У нас где-то в начале апреля даже появилась хлебопечка, мука была в нашей столовой, три мешка муки. Пекли хлеб. Генератор большой, у него потребление — 37 литров в сутки. Но у нас была вокруг цеха масштабная реконструкция газоочистки, и подрядная организация туда свезла

много техники: это гусеничные краны, обычные стреловые на пневмоходу, то есть много техники. Оттуда сливали этот дизель, солярку сливали. Сама техника уже была разрушена — вся в осколках, побитая-перебитая.

Числа с 15 марта началось просто месиво на «Азовстали». Так раз в день что-то прилетало, ну, отдаленно мы слышали. Цех высокий, 63 метра — это рабочая отметка[23] внутри цеха, а

верхушка, крыша, наверное, 70 плюс. Поэтому частенько начали снаряды попадать в главный корпус конвертерного цеха, это мы слышали. Потом они начали падать постоянно, по всей территории, наш АБК был уничтожен, он неоднократно горел. Рядом попала авиабомба, скорее всего, целили по АБК, но не попали. Воронка огромная, попали по железнодорожному пути — по рельсе, по шпалам бетонным. Воронка глубиной была метра полтора и диаметром метров восемь. Это довольно-таки укрепленное место, которое предназначено для локомотивов, для перевозки жидкого металла — это не городской трамвай, грубо говоря, шпалы на землю положили, и он поехал. Сила взрыва была огромная.

Разрушенная территория металлургического комбината «Азовсталь» в Мариуполе, 1 апреля 2022 года. Фото: Maximilian Clarke / SOPA Images / Sipa USA / Reuters

Самолеты никто не считал. Бывало такое, что вот идет ударная волна и только после нее слышен звук самолета — самолеты-то сверхзвуковые. И тогда уже все бежали вниз в убежище — мужчины или женщины, которые занимались приготовлением пищи. Детей на поверхность практически не подымали.

Был такой момент, когда в нас попало одновременно две ракеты. Грамотно попали, разрушены были два лестничных марша, оба наши выхода из АБК. Нас завалило. Завалили лестничные марши, но на нашей отметке минус шесть был переход в соседнюю пристройку. Ее тоже завалило. Все здание осыпалось. В пристройке была сауна, в сауне — бассейн. Пять этажей пристройки разрушились и легли в этот бассейн. И вот мы с этой отметки выбирались на поверхность, с помощью солдат детей поднимали, женщин, стариков.

Сергей Кузьменко. По электричеству: часть бомбоубежищ были с генераторами, а у нас генератор был нерабочий. Он не запускался, он еще советской постройки. Нам военные помогали, привозили аккумуляторы. Они поснимали с тепловозов аккумуляторы, их заряжали на своих генераторах и нам привозили, чтобы мы хотя бы могли подключить лампочку — хватало на два-три дня аккумулятора. Были случаи, когда просто не успевали по времени добраться до нас, и мы пару дней сидели в полной темноте, свечку зажигали. Благо на предприятиях было большое количество антисептика. Мы с этого начали крутить огниво, поджигать, потом на этом можно греть было еду, чай.

По еде: в нашем бомбоубежище изначально было немного продуктов. Это работники цеха, в котором мы находились, сразу их принесли. Плюс мы сделали вылазку в соседнее АБК, там находилась столовая, там были большие запасы еды. Мы с мужчинами собрались и побежали просто через цех под крышей. Обстрелы не прекращались, пока мы бежали. Там бежать, может быть, минут так десять от силы, но за это время мы два-три раза спускались в подвальчики, потому что пролетала авиация. Но нам этих запасов до конца марта хватило.

Мы ели раз в день. К трем часам мы старались готовить суп, на 70 человек готовили четыре ведра десятилитровых. У нас был выход из бомбоубежища направо, там небольшая лесенка, и сразу в цех попадаешь. Первое время мы на улице готовили, а с 12–13 марта, когда первые прилеты прямо в цех, в подвале. В цех уже никто ходить не хотел. В

толстолистовом цехе завезен брус по технологии производства, его подкладывали под листы. Мы вот этот брус, пока была тишина, натаскали в подвал и в подвале его обливали горючим и палили.

С начала апреля военные нам каждые три-четыре дня приносили продукты: консервы, каши, крупы, макароны. В начале марта они конфеты детям приносили, цукаты. Детей у нас было больше десяти, наверное 12–14. Самой младшей было полгода. Для маленьких военные пытались находить детское питание, памперсы, пока у них было это все в наличии, они старались разносить.

Иван Голтвенко. Они брали из своих запасов. Вначале военными завод использовался как тыл для доставки продуктов на передовую. То есть первым на завод зашло хозобеспечение. Они накапливали там продукты, пока передовая была за 20 километров от города.

Сергей Кузьменко. По воде: у нас до того, как упали последние линии электропередачи, руководство накачало емкости технической водой, которая подается на помыв людей. У нас при выходе из убежища была бойлерная, там стояло две пятикубовых емкости, и там была техническая вода — руки помыть, умыться. Плюс комбинат обеспечивает уже, наверное, года четыре или пять работников горячих цехов питьевой бутилированной водой согласно законам и нормам: мы, работники горячих цехов, должны получать подсоленную воду в объеме двух литров на смену. Поэтому предприятие, чтобы не мучиться с сатураторами[24] и очисткой воды,

закупало эту воду. В этом году ее завозили зимой, зимой вода особо не пьется, поэтому в цехах были большие запасы. В этом плане нам очень повезло — раньше завозили только в теплый период. Это был *Buvette* полуторалитровый, фирменная газированная вода. Мы ее просто по цеху, по разным каморкам собирали, где она была.

Игорь Хаджава. У нас при цехе был медпункт. В первые дни на улице был взрыв, в медпункте вынесло стекла, двери, все было разрушено. Что осталось целым, мы оттуда позабирали. У нас женщина была в бункере, она восемь лет работала медсестрой, на нее возложили эти обязанности. Все медикаменты, которые были найдены, отдавали ей, она ими распоряжалась. В первую очередь, конечно, бинты. У нас пожилая женщина при ракетном ударе находилась в пристройке, там был безопасный санузел, как мы считали. Взрывной волной ее ударило об лутку[25] двери, голову посекло осколками зеркала, у нее рассечение было, ну, и бинты пригодились.

Про *COVID-19* мы все забыли, слава Богу. Два месяца под землей мы все спали бок о бок. Грубо говоря, *COVID-19* бункер № 1 конвертерного цеха отменил. Болезни были у нас — кто-то из вновь пришедших сильно кашлял, и вот весь бункер подцепил это. Мы все переболели и перекашляли, но успешно победили.

У нас было два сахарных диабетика. Инсулин у всех позаканчивался, в любой момент могла быть смерть. Была женщина пожилая, у нее была анемия мозга, ей нужны были специальные таблетки. Вот эти

таблетки в бункере закончились, и ее семья выходила своим ходом. Я сейчас не знаю, где они, что с ними.

Сергей Кузьменко. Условия в подвалах на самом деле ужасные. Я вешал курточку на крючок, три дня — и она покрывалась плесенью. Там настолько сыро, что проветривание эффекта не давало.

Игорь Хаджава. АБК конвертерного цеха на возвышенности находится. Поэтому, когда выходили на улицу, было видно, что город горит. Звуки выстрелов, взрывов, и горящий город виден.

Иван Голтвенко. Могу сказать, где точно не находились военные. Это рельсобалочный крупносортный цех, толстолистовой цех и конвертерный. Потому что там находились наши люди. По 70 человек примерно в каждом убежище. И в коксовом цехе примерно 70 человек. В конверторном и толстолистовом — по два убежища. Под заводоуправлением тоже были гражданские.

Те люди, которые были там до 1–2 мая, до эвакуации согласованными колоннами, говорили, что накануне были обстрелы авиацией каждые 15 минут. По бомбе каждые 15 минут.

Десять минут на сборы и бутылка водки. Бегство, эвакуация, фильтрация

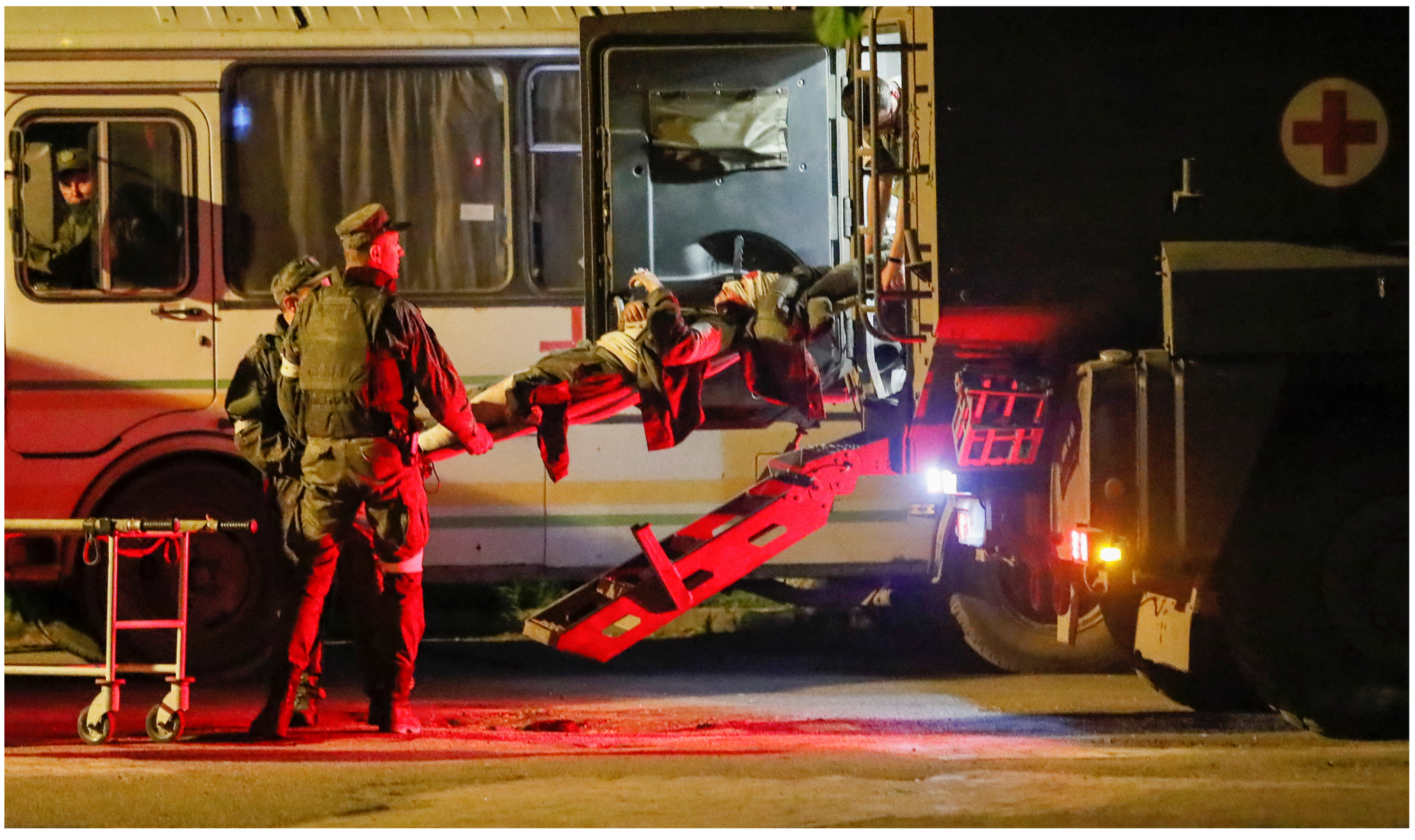
Иван Голтвенко. Из города было опасно выезжать где-то с 4–5 марта, по мере приближения русских солдат с юга. Я выезжал с 8 на 9 марта. Уже в полукилометре от города в визуальной близости был виден русский блокпост. Внутри города стоял украинский блокпост, а буквально в 500 метрах —

первый русский. Дальше я проехал где-то четыре блокпоста с разницей в полкилометра в окружении города. Они пропускали за водку, сигареты, еду: я дал одному бутылку водки, другому — бутылку пепси-колы, чтобы они не цеплялись. Потом люди рассказывали, что они сигареты требовали. Рекомендовали брать с собой и спиртное.

Бои переходили в центр города, и многие люди уже понимали, что нигде не безопасно, что запасы еды заканчиваются. Некоторые люди выехали с завода 12-го числа, некоторые — 20 марта, 25 марта. У диспетчера комбината был спутниковый телефон, по которому он держал связь: поднимался два раза в день из бомбоубежища во дворе заводоуправления для коммуникации с сотрудниками, с землей. Я, выбравшись в Запорожье, точно ему рассказал, как я выезжал. Он оповестил людей, и они партиями начали выезжать из города. Я ему рассказал о месте, где хранилось спиртное для приема делегаций. Они взяли его с собой. Оно находилось в том помещении, где был генеральный директор. Десять бутылок шампанского, несколько бутылок водки. Проехала одна колонна из 40 машин, другая из 12 машин, полных людьми. Но были и неудачные попытки выезда, они возвращались.

Игорь Хаджава. Девочка была лет 15 с сахарным диабетом. Насколько я знаю, она сейчас в коме. Они в середине марта выезжали, та группа, которую не пропустили. Приезжали военные, сказали, что есть зеленый коридор, что людям, которые на своих автомобилях заехали на территорию завода, есть возможность выехать. Насколько я знаю, их

не выпустили из города. Они сидели в ПГТУ[26] в бомбоубежище, а с нами в бункере оставалась ее бабушка. Они кто где поостався — кто в ПГТУ, кто в драмтеатре. Там при выезде из города начались обстрелы, кто-то нажал педаль газа и прорвался. Есть у меня такая сотрудница моего цеха, которая рассказывала, что под взрывами мин им с мужем и сыном удалось выехать.



Российские военные вывозят сдавшихся в плен раненых с металлургического комбината «Азовсталь», 16 мая 2022 года. Фото: Alexander Ermochenko / Reuters

Иван Голтвенко. Было несколько вариантов. Первый — Запорожское шоссе, второй — трасса на Одессу, Мелитополь через Бердянск. Но вначале вверху[27] русские заминировали трассу, а потом нижнюю[28] трассу заминировали, выезд из города. И люди стали объезжать этот участок через Мелекино, Портовское и выезжать на Мангуш[29]. То есть делать крюк южнее. Мелекино по побережью идет в сторону Бердянска.

Игорь Хаджава. На момент выхода из бункера нас было 76 человек. Когда нас вывозили 1 мая, была тишина. И предыдущий день, 30 апреля, тоже была

тишина. 30 апреля вечером к нам пришли военные — это было где-то в 19:45 — и сказали, что сегодня зеленый коридор.

Весь день с утра наши военные договаривались о выводе гражданских с завода. Только вечером в 19:30 им дали добро, ну, это со слов военного. По заводу дорог уже не было, чтобы проехать к нашему АБК по всем этим руинам, минут 15–20 надо, наверное. Они приехали и сказали: десять минут на сборы, 20 человек, через десять минут кто успевает, тот садится в автобус и едет, остальные завтра, вторая группа людей на эвакуацию.

Мы ехали на следующий день. Я был с женой, двумя детьми, дочке два с половиной годика. Мы за десять минут не смогли собраться.

При выезде из завода мы подъехали на мост, где нас встречали представители Красного Креста, ООН. Россия начала разминирование дороги. Мы ждали в автобусе около полутора часов, пока они разминируют — там специальная машина ездила и подрывала мины, которые были установлены ночью. Перед нами выезжала вечером первая группа — мины были установлены за ночь Россией. Потом мы пересели в другие автобусы и направились по Таганрогской трассе мимо левого берега в сторону села Безыменное[30].

Сергей Кузьменко. Нас 1 мая вывели, мы вышли к автобусу. Автобусы были предоставлены Россией. Нас посадили в автобус и сказали ехать на Безыменное. Красный Крест и ООН сказали: нет, мы дождемся

остальных. Мы дождались еще два автобуса, люди загрузились — всего около 70 человек — и мы поехали в сторону Безыменного. На месте нам сказали: ждите, сейчас будет разбирательство. Мурыжили, мурыжили, в туалет только в сопровождении военного, сами не ходите. Потом начали нас по чуть-чуть брать и вести, так сказать, на допросы. Мужчины отдельно, а женщины отдельно. Меня завели, сказали: выворачивай все карманы, все шмотки, показывай все, телефон отдавай. Проверили телефон, фотографии, звонки, кто кому, ноутбук запустили, пошарились в нем, что же в нем такого интересного. Начали допрос вести: где вы сидели, как вы были, сколько вас было человек, где военные сидят, какая у них есть техника, что вы о них знаете, позывные, знаете ли вы кого-то из прокуратуры, полиции, из госучреждений. Раздели до нижнего белья. Посмотрели, покрутили меня. Я с женой разговаривал — их раздели до нижнего белья, частично и лифчики снимали, в трусы заглядывали, пятки [требовали] показывать.

С одним закончили — идите дальше. Сняли отпечатки пальцев, ладоней, фотографии сделали. И три или четыре раза по кругу всех крутили: и там расскажите, и тут расскажите, а сколько там было, а кого вы знаете, а как часто к вам приходили, в каких цехах, есть ли у них танки. Это все длилось, наверное, часа полтора. Потом отпустили в автобус. И мы до десяти вечера сидели в автобусах, пока все не пройдут полностью эту фильтрацию.

С нами были две девочки, одной 22 года, а другой 15 лет. Девочка, которой 22 года, она работник полиции.

В девять вечера где-то пришли, ее забрали: «Ты идешь с нами». Попозже, когда мы выходили, мы ее спросили, что и как. Она в слезах, говорит: «У меня выявили удостоверение участника боевых действий, и меня сейчас куда-то везут». Ее забрали в неизвестном направлении, мы ее больше и не увидели. Сестра 15 лет осталась в лагере. Нашли телефон родителей, набрали — они в Беларуси в этот момент были — чтобы они приехали и ее забрали. А что с этой девочкой из полиции, мы не знаем и до сих пор.

Иван Голтвенко. У нас есть факт, что одного нашего сотрудника пытали электрошокером. У него в телефоне нашли фотографии комбината. Они узнали, что он работает в инженерной службе, является ремонтником и, соответственно, знаком с коммуникациями комбината. Мы ничего не знаем о нем. Пытались дозвониться, но связи с ним нет.

Сергей Кузьменко. В десять часов вечера нас расселили по палаточному городку, накормили, и мы легли спать. В шесть утра колонна наша начала формироваться для отправки в Запорожье под предводительством ООН и Красного Креста. С Мариуполя забрали в Безыменное нас русские автобусы, а с Безыменного мы выезжали на украинских автобусах. Всего приехало 50 автобусов. Из них было загружено только три. Просто не все поехали в Запорожье. Им предложили варианты: остаться в ДНР, поехать в Россию и уехать в Запорожье. Сказать, чтобы они там прямо руки выворачивали, чтобы мы ехали в Россию — такого не

было. Но, я так понимаю, это потому, что нас в каждой палатке и на каждом этапе контролировала ООН.

2 мая в шесть утра колонна сформировалась, в восемь утра нас 28 раз пересчитали, пофамильно опять переписали, и мы двинулись в сторону Новоазовска. По пути мы проезжали несколько населенных пунктов, где куча людей стояла, наверное человек 200, может 300, которые хотели выехать. Они-[31] никому не давали добро. ООН выходила к ним,

просила, Красный Крест выходил к русским военным разговаривать о том, чтобы отпустить людей. Они никого не выпустили. Притом что все прекрасно видели: едет 45 пустых автобусов, можно было набрать целую кучу на свободу.

И вот таким образом к пяти часам вечера 3 мая мы добрались до Запорожья.

Металлолом. Что осталось от «Азовстали»

Иван Голтвенко. На «Азовстали» 10,5 тысячи человек работали, на комбинате Ильича — 14,5 тысячи человек. И мы можем смело говорить, что еще примерно столько же работали в организациях, обслуживающих или сотрудничающих с заводами: это подрядные фирмы, поставщики и так далее. Так или иначе, но каждая семья в Мариуполе была связана с металлургией.

Разрушенная территория металлургического комбината «Азовсталь» в Мариуполе, 24 июня 2022 года. Фото: Егор Алеев / ТАСС

Из 10,5 тысячи сотрудников у нас 4,5 тысячи вышли на связь. О шести тысячах сотрудников мы ничего не знаем на сегодняшний день, к сожалению. При этом из 4,5 тысячи 2,5 тысячи находятся на подконтрольной[32] территории, а две тысячи — на неподконтрольной. То есть всего 2,5 тысячи из 10,5 тысячи.

Даже в полностью разрушенном состоянии завод имеет ценность с точки зрения металлолома. Только в порту готовой к отгрузке продукции было украдено с комбината «Азовсталь» на 68 млн долларов, с комбината Ильича — на 80 млн долларов. Это наши слябы и рулонный лист «Ильича». А на складах хранится в десять раз больше незавершенной продукции, металла. И в принципе весь завод — металлолом, который имеет свою стоимость.

Они разворовывают комбинат на металл.

Редактор: Дмитрий Ткачев

Материал подготовлен при поддержке «Фонда Бориса Немцова за свободу».

1. Город в 40 км к востоку от Мариуполя, с 2014 года остается под контролем самопровозглашенной ДНР.
2. Металлургический комбинат имени Ильича. Как и «Азовсталь», принадлежал холдингу Рината Ахметова «Систем Кэпитал Менеджмент». Предприятие расположено севернее «Азовстали» на правом берегу реки Кальмиус.
3. Село в 20 км к востоку от Мариуполя, в 2015 году место ожесточенных боев. В 2016 году ВСУ вернули Широкино под контроль Украины, к этому времени в селе почти не оставалось жителей.
4. Микрорайон на восточной окраине Мариуполя.
5. Аппарат для получения стали из чугуна методом продувки кислородом. Примеси окисляются и удаляются из расплава.
6. Емкость, в которую поступает расплавленный чугун из доменных печей. В миксере чугун из разных печей достигает химической однородности.
7. Исходный материал для выплавки чугуна, который загружают в доменную печь. Обычно это смесь железных руд и кокса.
8. Изготовление топлива для доменных печей (кокса) из каменного угля путем нагревания без доступа воздуха.
9. В Центральном районе города.
10. Это старое название. С 2016 года мобильный оператор работает под брендом Lifecell.
11. Украинская сеть супермаркетов.
12. Eva — украинская сеть магазинов косметики и парфюмерии.
13. Тяжелораненый.
14. Левобережный район Мариуполя прилегает к промзоне «Азовстали» с запада.
15. Производство.

16. Точное число гражданских приводится по словам Игоря Хаджавы, находившегося среди них.

17. Всего по защитным свойствам убежища делятся на пять классов.

18. Ниже уровня земли.

19. Фурма — агрегат, подающий в конвертер кислород для продувки чугуна; здесь имеется в виду фурма с водяным охлаждением.

20. Глубина шесть метров.

21. Радиальные вентиляторы.

22. Вероятно, речь идет о реактивном снаряде 9М55К1 для РСЗО «Смерч». Это боеприпас с кассетной головной частью, предназначенный для уничтожения бронетехники. Поражающие элементы спускаются на парашюте, а затем наводятся на тепловой выброс танка или другой машины. По сообщениям украинских СМИ, при обстрелах Харькова такие боеприпасы поражали гражданские автомобили.

23. Высота потолка.

24. Аппарат для насыщения воды газом. Применяется как при производстве газировки, так и для обеззараживания воды, например хлором.

25. Дверная рама, коробка.

26. Приазовский государственный технический университет. Расположен неподалеку от драмтеатра.

27. Имеется в виду Запорожское шоссе. Оно идет на север (вверх, если смотреть на карту) от Мариуполя.

28. Шоссе на Мелитополь идет на юго-запад от Мариуполя (если смотреть на карту, налево и вниз).

29. Поселки к юго-западу от Мариуполя.

30. В 30 км к востоку от Мариуполя, находится под контролем самопровозглашенной ДНР.

31. Россияне.

32. Украине.